

Бахтин И.И.

Стечение обстоятельств

Сборник рассказов

18+

Игорь Бахтин

Стечение обстоятельств

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бахтин И. И.

Стечение обстоятельств / И. И. Бахтин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

"...Фёдор приложил ствол к глазку и выстрелил, выстрел эхом метнулся по этажам. Жена стояла в прихожей, она плакала. — Зачем, Федя? — прошептала она. — Стечение обстоятельств, — пробормотал он, прошёл в гостиную, свалился на диван и в один миг заснул. Во сне он улыбался. Снилось ему старая дача, покойная бабушка Варя в цветастом фартуке и сползших на нос очках. Она в медном тазике варила малиновое варенье, а он, пятилетний, сидел за столом и с аппетитом поглощал пенку от варенья с горячей ватрушкой..." Так закончился для Фёдора обычный день в рассказе "Стечение обстоятельств". Этот и другие остросюжетные рассказы в моём сборнике.

Содержание

Стечение обстоятельств	5
Третье счастье Ширали	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стечение обстоятельств

Под утро Фёдору снился сон с запахом малинового варенья. Он видел себя на даче пятилетним мальчиком. Молодая бабушка Варя, у ног которой вертелась кошка Матрона, варила в медном тазике малиновое варенье, а он, болтая ножками, сидел на высоком стуле и вымакивал с блюда сладкую пенку домашней ватрушкой.

Будильник вдребезги разбил счастливую тишину. Сон зашатался, исчез запах, картинка треснула, пазлами осыпалась в дымный, бешено крутящийся перевёрнутый конус чёрного омота. Не открывая глаз, Фёдор нащупал кнопку будильника.

Он расслабленно лежал в дрёме в тщетной надежде увидеть продолжение сна, но видел только летающие чёрные пятна. И тут над головой вначале взвизгнул, а после, взвывая, деловито постукивая на низких частотах, забурчал перфоратор. Фёдор резко приподнял голову, застонал, ощутив тупую боль в затылке.

«Тварь, сволочь, дятел, – обессиленно падая на подушку, проговорил он. – Дятел! Ни выходных, ни праздников, ни будней! Дебил! Год долбит и долбит, когда ему приспичит. И никому не открывает дверь, неуловимый Джо».

Пытаться подремать было бессмысленно. Настроение была испорчено. Он сел на край кровати, пошарил ногами по полу, нашёл левый тапочек, правого не было. «Харлей. Кто ещё? – констатировал он раздражённо и в одном тапочке вышел в прихожую. Бульдожка лежал у входной двери на своей подстилке, положив морду на обшлюявленный жеваный тапочек.

– Ну, и обсос же ты, красноглазый, – с приступом отвращения к похрюкивающей собаке, пробормотал Фёдор.

Не прибавил ему настроения и таракан, которого он прихлопнул в туалете. Он хмуро усмехнулся: «Тараканы решили эмигрировать. Не вынесли перфораторной долбёжки». В ванной его ждал очередной заряд раздражения: кто-то (кто же, как не Дениска!) оставил рычаг смесителя в положении «душ» и его окатило горячей водой.

Мрачней, он почистил зубы и, пройдя к кухне, стал в дверном проёме. Ни жена, ни Денис с ним не поздоровались. Сын смотрел телевизор, где бесновались какие-то рогатые чудища, жена варила кашу.

– Денис, сколько раз можно тебе говорить, чтобы ты душ переключал? – строго сказал Фёдор.

– Не кричи, – в голосе жены слышались нотки зарождающегося крика.

– Я не кричу, я чуть кипятком не обварился...

– Что у тебя за дурацкая манера открывать сначала кран горячей воды?

– А какой нужно первым открывать? – стал закипать Фёдор, резко поднимая голову вверх: над потолком, дробно застучал перфоратор. «Дебил, тварюга», – процедил он сквозь зубы и раздражённо продолжил:

– Типа, холодную будет правильнее открывать, да, Тань?

– Типа того. По крайней мере, безопасней будет, – ответила жена, и неожиданно, швырнула ложку на стол.

– Ты ребёнком совсем перестал заниматься, Федя!

Фёдор глянул на сына, вяло прожёвывающего сосиску.

– Что?

– Да то! Он в «помойке» всю ночь ковырялся. Его комп под «родительским контролем», только на два часа заряжен, не наигрался, видно. Теперь, видишь, спит на ходу. Какая учёба в голову ему теперь ползет? Слямзил наш ноутбук, когда мы заснули. Под утро, наверное, обессилен, бросил его на полу, программы забыл закрыть. Загляни в журнал, полюбуйся, чем он интересовался.

Фёдор сел на табурет, уставился в ноутбук, быстро пробежал по клавишам. Оторвав взгляд от экрана, ошарашенно выдохнул: «Твою...»

– И твою и мою и эту как её... индийскую мать мира, – кивнула головой жена.

– Как пароль узнал? – повернулся к сыну Фёдор.

– Мог взломать, – ответила за него жена, – они сейчас все хакеры. Хотя... куда ему троечнику, подглядел, скорей. Наш пострел везде поспел.

– Пароль хорошо запомнил? – еле сдерживаясь, спросил у сына Фёдор.

– Запомнил, – пробурчал Денис.

– Ну, и какой?

– Маркополо, – промямлил Денис.

– И кто он, этот «Маркополо» по-твоему? – ядовито усмехнулся Фёдор.

– Футболист какой-то.

– Практически Аршавин! – закричал Фёдор, – Вот это видел?

Он ткнул под нос сыну кукиш.

– Хорошо запомни этот пароль. Месяц без компа. Я сегодня же платы повывёртываю. Два месяца без МакДональдса и кинотеатра, читаешь «Три мушкетёра» по две главы в день. По пять! Рассказываешь мне. Отжимаешься от пола на пять раз больше, чем обычно. И ещё: берёшь энциклопедию и выписываешь слово в слово всё, что там написано про Марко Поло... десять раз.

– Папа, – в глазах Дениса стояли слёзы.

– Ты на досуге, ещё глянь, в какие он игры играет. Машины в хлам, кровяща... типа – оторви ему яйца, Сэм, – произнесла жена.

– Мам! – жалобно всхлипнул Денис.

– Стервец! На волейбол ходить бросил, дзюдо – больно, шахматы – думать надо. Я в твои годы стометровку за тринадцать секунд пробегал, – взревел Фёдор.

Он вышел в прихожую и стал одеваться.

Пробурчав в спину мужа: «Формалист», Татьяна крикнула ему из кухни:

– Кашу есть будешь?

– А колбасы нет?

– Была. Сынок ночью всю слопал. На холодильник пароль не приспособишь.

– На работе поем, – Фёдор, взялся за ручку двери, но остановился. Он вспомнил сон, улыбку бабушки, запах варенья.

– Тань, я сегодня во сне бабулю видел. К чему бы это? — спросил он.

– Ты на кладбище, когда в последний раз был? – жена выглянула из кухни.

Фёдор задумчиво потоптался, опустил голову и вышел за дверь.

* * *

В лифте он ехал с длинноволосым угреватым парнем в наушниках, усатой бабушкой с собакой, похожей на неё, небритым верзилой с онемевшим лицом, и миловидной девушкой. Пожёвывая жвачку, она смотрела в телефон, с застывшим на лице широкоформатным «фи». Крепкий парфюм девушки был не в силах перебить запах перегара верзилы. К этому пикантному купажу неожиданно прибился запах мочи: старый бабушкин пёс, кажется, не смог донести до двора и немного «припустил». Бабушка или делала вид, что ничего не случилось, или сама уже потеряла нюх.

Входя в лифт, Фёдор хотел поздороваться, но передумал, взглянув на верзилу без признаков жизни. Из лифта он выскочил первым, за его спиной воскресший алкаш, рывкнул бабушке: «Шевели мослами, старая кочерга».

Морозило основательно. Машины были присыпаны снегом, рядом с его машиной разогревался здоровенный чёрный джип, со знаком «У» на заднем стекле. Юная хозяйка дорогого «коня» с непокрытой головой и сигаретой во рту, счищала снег с крыши джипа, отбрасывая на его машину. Одета она была по-весеннему: в короткой, распахнутой шубке, тонкая кофточка, между низом которой и поясом джинсов, сияла вентиляционная полоска голого живота, — заставили Фёдора зябко поёжиться. «Нормально», — пробормотал он, нажимая на пульт. Его «Соната» тявкнула, моргнув фарами, но девушка не обратила на это никакого внимания, она продолжала скидывать снег на его машину.

– Вы и мою машину после будете чистить? – улыбаясь, спросил Фёдор, подойдя к машине.

Девушку будто парализовало. Она смотрела на него непонимающе, длилось это несколько мгновений. Лицо её исказилось, как от зубной боли, и она назидательным тоном выдала:

– Научитесь по-человечески парковаться. Прижались к моей машине так, что мне через правую дверь пришлось влезать.

Фёдор выразительно глянул в глаза девушки, сказав про себя: «Поздравляю вас, миледи, совравши!»

Вчера вечером, когда он здесь парковался, справа от него стояла «шестёрка», слева «Опель». Парковался он, позаботясь о соседях, с хорошим зазором. Джип девушки стоял сейчас на месте уехавшего «Опеля».

Фёдор ничего ей больше не сказал.

«Столкнись с такой дурой на дороге, – мало не покажется. Орать будет, как резаная. Профессионалка! Почему этим дурам непременно нужно сразу садиться за руль джипов? Чтобы наверняка людей сшибать на остановках автобусов? Нет, чтобы на малолитражке выучиться ездить, – думал он, разогревая машину, и, наблюдая за девушкой. Она теперь сидела в машине и, смеясь, говорила по телефону.

Через пару минут Фёдор уже плёлся в длиннющей пробке. Девятый час утра был на исходе, погода была мрачная, ещё тускло горели фонари, день, казалось, не хотел участвовать в своей вечной работе. На дороге расплзалась сероватая жижа, машины были грязными, запотевшими. Наглые азиаты на маршрутках использовали все способы, чтобы вырваться из пробки: шуровали по тротуарам, выезжали на «встречку». Вдоль проспекта стояли голосующие люди, маршрутки резво «ныряли» к ним, останавливаясь, лукаво включая «аварийку».

Фёдора затёрли в правый ряд, он ругался. Приходилось останавливаться и ждать, пока маршрутник подберёт клиента. «Ну, ладно, эти шумахеры узкоплёночные приехали денег срубить, им семьи большие кормить нужно, у них всё от выручки зависит. Сначала хозяину нужно собрать бабла, потом успеть и на себя поработать, но наши-то, наши граждане? Что за безбашенность и беспечность? Поток машин прёт, как танковая дивизия, а люди рискованно стоят на скользкой обочине. В лучшем случае им ноги отдавят, в худшем – такие вот девушки, как сегодняшняя пигалица в джипе сшибут насмерть. Ведь понимает же безлошадный менеджерообразный хомо сапиенс, стоящий на обочине, что задерживает движение и раздражает водителей, создаёт нервозность, рискует сам, заставляя маршрутников нарушать правила. Или не понимает? На работу опаздывать не хочется, а пройти сто метров до остановки в облом» – думал он, раздражённо наблюдая за ситуацией на дороге.

В левый ряд было не попасть. Водители мужчины смотрели вперёд, делая вид, что ничего не замечают, дамы говорили по телефону. Наконец удалось влезть в левый ряд, благодаря той самой «миледи» на джипе, попрекавшей его недавно в неумении парковаться. Она «вовремя» въехала в зад маршрутке, в очередной раз резко остановившейся у ног голосующего клиента. Все стали объезжать «попавшую» пару, левому ряду пришлось неохотно пропускать правый ряд.

«Раньше водители профессионалы за безаварийные сто тысяч километров ставили на машине «звёздочку». Нынешним дамочкам на джипах, нужно за очередное ДДП добавлять

ученический знак на стекле: за две аварии – два восклицательных знака, за три – три, и так далее, чтобы участники движение знали с кем дело имеют», – усмехаясь, думал Фёдор.

Когда поехали живее, он закурил, включил радио и попал на радиостанцию «Эхо Петербурга». Известные оппозиционеры смело рассуждали о диктате Кремля, о зажиме оппозиционного движения и свободы слова в стране. Фёдор хмыкнул: «В либеральном болоте громче всех квакает лягушка, у которой есть своя кувшинка. А когда кувшинка «Газпромовская» – можно квакать на всё болото, не боясь так называемого диктата Кремля».

Он переключил радио на другую станцию. Диктор с заметными радостными интонациями, со странным воодушевлением в голосе тараторил об масштабных хищениях в Министерстве Обороны. Он перечислял миллионы, миллиарды, уведённые коррупционерами, говорил о неимоверном количестве драгоценностей, антиквариата, обнаруженном при обыске в квартирах высокопоставленных господ из этого ведомства, об их участках, усадьбах, дачах, квартирах.

«Скоты! – прошептал Фёдор. – Хозяева! Ведут себя, как баре среди холопов, будто царь поставил их на окормление. К стенке гадов ставить, как в Китае, отобрать награбленное, да нет же – замылят дело, отпустят под залог, дабы товарищи-казнокрады в любимый Лондон могли уехать, отдохнуть от трудов праведных. «Усатый» всё до последней копейки с них вытряс бы, а потом Ежову отдал бы позабавиться. Бабуля моя покойная не зря при Ельцине твердила: «Только массовые расстрелы спасут страну». Надо же, у какой-то шалашовки миллионы в тумбочке лежат на карманные расходы! А мне, переводчику, выпускнику настоящего, не липового университета, с тремя иностранными языками, два неуча-торгаша решили, что хватит и сорока тысяч».

Он переключил на станцию, передающую джазовую музыку, а мысли его резко скакнули на личные обстоятельства. Сегодня у него должен был состояться важный разговор с директором фирмы, братьями-близнецами Петуховыми по поводу повышения зарплаты.

Фирма торговала мелкой бытовой техникой под своей торговой маркой, техника делалась на китайских заводах. В этой «шараге» Фёдор работал переводчиком. Все дела с поставщиками китайцами велись на английском языке и этим до недавнего времени, занимались трое переводчиков; кроме всего нужно было переводить инструкции, сертификаты, оформлять разные документы, ездить в сертификационные ведомства.

Два месяца назад одного переводчика сократили, через месяц сократили ещё одного, и ему пришлось работать за себя и «за того парня», и даже брать переводы домой. Через пару недель он «забастовал» и потребовал прибавления зарплаты, сказав начальству, что его устроила бы зарплата в пятьдесят пять тысяч. Братья сразу не отказали, думали день, и предложили издевательский вариант: они прибавят к его сорокатысячной зарплате три тысячи, а ему найдут помощницу, студенточку ВУЗа, которую он «между делом» обучит. Фёдора на эту наглость расхохотался им в лицо и поставил вопрос ребром: пятьдесят пять тысяч или он уходит.

Братья обиделись. Стали рассказывать о японских кружках качества, в которые люди ходили после работы бесплатно. Фёдор стоял на своём: пятьдесят пять тысяч, – и он работает дальше, безо всяких помощниц. Тяжба эта должна была разрешиться сегодня.

Припарковаться удалось недалеко от бизнес-центра. Издалека он увидел у здания необычно большое скопление людей. Было много милиции, машин с включёнными мигалками, стояли даже пожарные машины и «неотложки». Он отыскал в толпе программиста Алексея. Здороваясь с ним, унюхал неистребимый запах коньяка, который не побеждал запах мускатного ореха. Тридцатипятилетний скиталец Алексей родился и жил в Узбекистане, успел поработать в Пакистане и Америке. Решив осесть в России, он женился на девушке из Архангельска, у них был ребёнок. Они с женой мыкались по съёмным квартирам, гражданство ему до сих пор пока не дали – мурыжили чиновники.

– Что там такое? – спросил у него Фёдор, закуривая.

– Ты не поверишь! Бомбу ищут, – ухмыльнулся Алексей, – обнаружен исламский след покойного Бен Ладена. Какой-то бдительный товарищ в милицию сообщил. Наверное, какой-нибудь уволенный акулами бизнеса товарищ решил лавочникам отомстить.

Фёдор окинул взглядом толпу людей – тревоги и страха не наблюдалось. Раздражение встречалось, но лица в большинстве своём были равнодушны, как у людей, вынужденно стоящих в очереди за каким-то обыденным товаром, встречались и весёлые лица. Люди курили, беседовали, некоторые прикладывались к банкам с пивом и джин тоником. Две немолодые женщины справа от него обсуждали перипетии сюжета телевизионного сериала. Парень слева рассказывал товарищу о ночи, проведённой им в ночном клубе.

Бомбу не нашли. В офисы народ попал только к одиннадцати. Через некоторое время в тесную комнату без кондиционера, в которой работал Фёдор, вошёл хозяйский холуй, по совместительству секретарь и курьер, молодой, хипстерского вида худосочный парень с серьгой в правом ухе. Алексей с ним не ладил, прозвал «вертухаем» и подкалывал по любому поводу.

Деловито захлопав в ладони, парень лирическим тенором почти пропел, глиссандируя к высоким тонам: «Господа! В связи с неожиданным форс-мажором, задержавшим рабочий процесс, поступил приказ начальства: сегодня работаем до семи вечера».

Алексей сел к компьютеру, посмотрев по сторонам, приложился к плоской фляжке и бросил ему угрюмо:

– Скоро ты, как халдеи в американских фильмах, станешь говорить нам: «Move, move, move!»

Он повернулся к Фёдору и громко заключил:

– Расслабленный мир, дядя Фёдор, истомлённый айфонами и пакетиками с супом быстрого приготовления, перестал думать. И им, как пьяной слабой женщиной, овладели акулы капитала, рыбы-прилипалы, и педерасты. Но дерево ярости медленно зреет и оно растёт. Как растёт дерево, люди не замечают, но когда оно вырастет, им придётся задрать голову и взглянуть на небо, но это уже не принесёт им спасения. Им придётся с мистическим ужасом взирать в грозную бездну.

Глотнув ещё из фляжки, он стал играть в «Тетрис».

– Ты поэт, – улыбнулся Фёдор, включая компьютер. Вестник бури. Но бури, Лёха, долго не будет. Не случится пока ситуации, люди задействованы в гонке за хлебами земными. Вот, когда хлебов не станет...

– Апостолов было всего двенадцать, а четверо из них были простыми рыбаками. Когда к ним примкнули миллионы, они победили, – возразил Алексей.

– У них Учитель был, – сказал Фёдор.

К начальству он пошёл после обеда. Братья были похожи на только что отобедавших довольных котов, которых тянет в сон. Встретили они его с притворным радушием, предложили кофе, от которого он отказался.

Вытерев лоснящиеся, влажные губы платком, бегая глазками-маслинами, первым заговорил Леонид Яковлевич.

– К большому сожалению, Фёдор Васильевич, нам не удалось изыскать возможность прибавки к вашей зарплате. Положение фирмы шаткое, мы несём убытки. Поэтому, простите, вам решать – остаться работать на прежних условиях или же подыскивать работу, которая бы удовлетворяла ваши материальные запросы.

Пристально разглядывая лица братьев, Фёдор неожиданно заметил то, чего раньше не замечал: хрящистые их носы были чуть искривлены в разные стороны. И родинка у одного красовалась на правой щеке, а у другого – на левой.

«Надо же, Господь, вдохнув в возлюбленных близнецов жизнь, позаботился и о том, чтобы люди могли их различать! Давид Яковлевич, стоя у зеркала, практически видит своего брата Леонида Яковлевича. Прощелыги и прохиндеи обычно легко находят общий язык

в вопросах надувательства людей. Тут же ещё и родственные узы. Близнецы – дубль-прохиндеи! – думалось ему. – И всё же зудит у меня в голове наивный вопрос: а друг-друга они надувают, по-братски?»

Ответ пришёл сразу: «Да, конечно. Они же дельцы, граждане сияющего золотом торгашеского мира. Да и притча о чечевичной похлёбке совсем не глупость».

Затянувшаяся пауза заставила братьев переглянуться. Они заметно взволновались.

Фёдор сглотнул комок, подступивший к горлу и, сдерживая подступающее бешенство, проговорил развязно:

– Таки я буду неизмеримо рад получить полный расчёт, господу Петуховы.

Рука Леонида Яковлевича нырнула в стол и появилась с конвертом. «На опережение работают, всё оговорили братики. Догадывались, что я не поведусь на их зехеры», – злобно сверкнул глазами Фёдор.

– Тут полный расчёт, с учётом переработок, – вяло промямлил Леонид Яковлевич, а Давид Яковлевич добавил, – не обижайтесь, Фёдор Васильевич. Ничего личного, – это просто бизнес.

– Просто бизнес часто завершается прекрасным видом на Неву из-за тюремной решётки, – Фёдор грубо цапнул конверт из коротенькой ручки Леонида Яковлевича и небрежно сунул его в задний карман брюк. Братья промолчали.

Алексей знал о тяжбе Фёдора с начальством и ожидал его. Он оторвался от экрана, бросил на него быстрый взгляд:

– What?

Фёдор достал из кармана конверт, покрутил им в воздухе.

– Подлючий и жадный народец. Припечатано древней историей про тридцать три сребренника, – глухо произнёс Алексей в очередной раз, прикладываясь к фляге.

С «учётом» переработок в конверте было сорок девять тысяч четыреста двадцать семь рублей. Прошептав: «Калькуляторщики», Фёдор в очередной раз выругался.

– Вообще-то неплохо было бы, брат, отметить день рождения ещё одного непримиримого врага капитала. Как ты, дядя Фёдор, по поводу авторизации? – сказал Алексей, когда они вышли в восьмом часу из офиса и закурили.

– Я в этой ипостаси, Лёха, уже несколько раз рождался, так и не став Робин Гудом. Да и за рулём я, – ответил Фёдор, подсчитывая в голове завтрашние траты, которые, по всему, должны были съесть все полученные сегодня деньги.

– Откровенный мужской разговор – это всё, что осталось у нашего народа. Пиво и душевный разговор – лучший психотерапевт, – назидательно сказал Алексей.

Фёдор отрешенно махнул рукой.

– Поехали. А ещё, говорят, неплохо лечит работа на рудниках, желательно в кандалах.

Домой Фёдор не стал звонить, машину оставил на стоянке.

В забитом шумными компаниями баре (был футбольный день), пристроиться удалось в дальнем тёмном закутке. Фёдору давно не доводилось бывать в таких заведениях. Он с удивлением наблюдал за бурным поведением болельщиков и болельщиц, невольно отмечая, что соблюдена некая пропорция по половому признаку, подумав саркастически: «Каждой твари по паре. Он вспоминал, что сам когда-то неплохо играл в футбол, ходили на «Зенит», частенько доводилось отдыхать с девчонками в больших дружных компаниях после игр, но девицами на равных с парнями большими кружками пиво не пили.

Девушки визжали, парни орали, дым стоял коромыслом, у Фёдора стала болеть голова. Наблюдая за этой околофутбольной оргией, он думал о том, что этот некий новый вид коллективного времяпровождения с непременно пивом, календарно связанный с футбольными днями, на самом деле вид современной зависимости, которую бизнес успешно навязывает, пропагандирует и холит.

Между первой и второй кружкой позвонила жена. Фёдор сказал, что чествуют в офисе юбиляра. Выдержав долгую паузу, Таня язвительно сказав: «Жди «хорошего», отключилась.

Алексей сел на своего конька: масоны, мировое правительство, секты, глобализм, саентология, заговоры, протоколы сионских мудрецов, власть хазар, крах капитализма. Они перестали поглядывать в телевизор, пили пиво, курили, беседовали. «Зенит» проигрывал.

Откуда-то появившийся лупатый «качок» с детской чёлкой на лбу присел без приглашения за их стол и, буравя друзей глазами, прогундосил:

– Здесь, между прочим, болеют за «Зенит».

– Мы это видим, – хмыкнул Алексей.

Кажется, ответ был неправильным – «качок» напрягся, стал разбухать.

Толкнув локтем в бок, чуть не поперхнувшегося пивом Фёдора, указывая рукой на «качка», Алексей, улыбаясь, сказал:

– Инкуб.

– Чё? – хрустнув шеей, вытаращил глаза фанат «Зенита».

– Я ему сказал, что ты фанат футбольный. Это на их фене. Товарищ не рубит по-русски. Он филистимлянин с острова Пасхи. Гость наш. В России первый раз. Ему переводить приходится.

– Ты ему скажи, что здесь болеют за «Зенит», – расслабленно осел фанат.

Алексей повернулся к Фёдору и произнёс какую-то абракадабру на английском со словом «Зенит», а Фёдор, подхватил его игру, с серьёзным видом, уважительно цокая языком, воскликнул:

– Вау! О, ес, ес! «Зэн-ни-и-т»! Вери, вери гуд! Супер!

Лицо «инкуба», стало молодеть, превращаясь в мордашку довольного ребёнка, получившего конфету.

– Я пивка сейчас принесу, – бросил он.

С болельщиком выпили ещё по две кружки за его счёт.

На улице накопленный смех вырвался наружу, как истомлённое шампанское из тёплой бутылки. Досмеяться вволю им не дал полицейский патруль. Бурые от мороза лица полицейских, были похожи на морды голодных охотничьих псов, Фёдору казалось, что ноздри их подрагивают, и они голодно принимают. Он предъявил права, Алексей – просроченную справку о регистрации. Бегло просмотрев документы, полицейский вернул права Фёдору, открыл рот, чтобы что-то сказать Алексею, но тот опередил его, ёрнически произнеся:

– Нужно проехать в отдел, для выяснения личности.

Полицай крикнул удивлённо, быстро глянул на своих коллег.

– Вот, дядя Фёдор, я тебе уже говорил, что инкубы оккупировали города, – сказал Алексей и повернулся к полицейскому.

– Старшой, умоляю, не лепи горбатого. Мы ж не гастарбайтеры. Дадим пятихатку, доведите, служивые, нас с другом до метро.

В воронке было холодно, полицейские слушали Михаила Круга, курили. В метро друзья, крепко обнявшись, распрощались – они ехали в разные концы.

Дорога к дому шла на подъём, было скользко, и Фёдор решил идти через дворы, – так было ближе. Неожиданно, будто по приказу пошёл крупный пушистый снег, ветер стих, стало теплее.

Он шёл медленно, вспоминая все перипетии сегодняшнего дня, чувствуя, как подступает тяжёлое тоскливое состояние, переходящее в гадостное неосознанное мучительное состояние, будто он сделал что-то непотребное стыдное, преступное, но конкретика не выплывала. Где-то глубоко в тёмной дыре, спрятанный в лабиринтах подсознания слабо мерцал этот маячок, посылая тревожные сигналы, которые пока не доходили до центров расшифровки. Эти сигналы порождали неосознанный страх. Фёдор стал трезветь.

«Ну, день, как день, – думал он, – не хуже и не лучше других дней. С некоторыми, конечно, вариациями. Утро, друг-перфоратор над головой, дорога, пробка, офис, скорбящие морды Петуховых, бар, менты, метро, ночь, дорога домой. Одна из комбинаций дней жизни. Следующая комбинация, уже не раз повторялась. Она наступит завтра, поиски нового места работы, интернет, рассылка резюме, встречи с хитромудрыми работодателями. Буду переводить на новом месте или инструкции плееров, чайников, тостеров и кофеварок, спецификации оборудования подводных лодок для индийцев, или памятки по употреблению лекарств. Будут уикенды, субботы, праздники, воскресенья и однообразные будни, офис, комп, словари, Петуховы в разном обличье, они могут быть Ахмедовыми, Георгадзе, Ивановыми, Петровыми, Лифшицами и даже Абу Нассерами. В январе сатурналии, в мае – рассада. В августе турецкая или египетская неделя, если там новых революций не будет. Потом снова комп, словари, офис, Петуховы...».

Неожиданно невидимый компьютер среди множества фраз выделил его фразу «одна из комбинаций дней жизни» и ясный голос произнёс: «Не жизни – ежедневного переворачивания песочных часов. И в часах этих количества жизни-песка с каждым переворотом незримо уменьшается; дни, сутки, года становятся короче, это только кажется, что в сутках по-прежнему 24 часа. Однажды песок в этих часах с дыркой закончится и время остановится».

Он остановился, громко проговорив: «Да, что ж так тяжело-то, Господи?». Закурив, он поднял голову, глянул на беззвёздное небо, шепча:

«Какие они звёзды? Всё вниз смотрим, вниз. Факап подобрался незаметно, всё позади. В офисе будут коллеги-пофигисты, скучные разговоры о кредитах, политике, о всякой белиберде. Зачем я читал Драйзера и Диккенса на языке авторов, зачем долбил латынь, науки, осваивал языки? Время стало не горячим, не желанным, не хочется в нём задерживаться, останавливаться, полюбоваться секундами бытия, ни на чём не задерживаются с удовольствием глаза. Если бы были на самом деле круги сансары, и можно было бы попросить того, кто этим заведует, исполнить желание, я бы попросил, чтобы меня сделали опять пятилетним мальчиком Федей, а жизни я испросил бы себе в этой другой жизни только до одиннадцати, нет, пожалуй, до десяти. После я согласился бы стать червяком, ежом или прорабом. Зачем доживать до разочарований в людях и жизни? Ничего! Ничего уже не возгорится. Костёр угасает. А горел ли он? Что-то не припомню...»

Он брёл к дому, безвольно опустив голову.

Из припаркованной у тротуара «девятки» с тёмными стёклами, к нему метнулись две тени. Резкий рывок за руки, разворот, болезненный тычок лицом в крышу машины, нож у горла, хрип: «Тихо! Не рыпайся, жив будешь». Пуговицы пальто полетали в снег, быстрые руки бесцеремонно обшарили карманы, разворот за волосы, удар чуть ниже шеи, рёв дырявого глушителя.

Когда он, застонав, поднялся с земли, и с вялой надеждой залез в карман, в котором лежал бумажник, понимая, что его там быть не может, то осознал и «приятное»: в бумажнике кроме денег лежали права и техпаспорт, после пришла и ещё более «приятная» мысль: завтра срок очередной выплаты кредита за машину.

Трясущимися руками он закурил, поднял голову к небу, кисло улыбнулся.

– Привет, Боже. У тебя, случился сбой компьютера или всё идёт по плану? Ты меня ни с кем не спутал – это мой сюжет?

Ветер разогнал облака, в очистившейся вышине светила, помаргивая, одинокая звезда. Фёдор смотрел в небо, будто ждал ответа. Небо молчало и он, проговорив: «Связь с небом никудышная», – массируя шею, продолжил путь, но почувствовав какой-то скрытый страх, замедлил шаг. Оставалось перейти проспект, за ним светились окна его дома. Остановившись, он оглянулся: десятки одинаковых двадцатипятиэтажных домов шурились светящимися окнами позади него и с боков. Ему стало казаться, что он стоит в центре пятачка, окружён

домами-монстрами, от них исходит тяжелая злобная энергия, а дома бесшумно сдвигаются, сжимают пространство, в котором он одинокий и беззащитный стоит дрожа.

«Нужно идти, нужно, нужно», – прошептал он, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и перешёл проспект.

Дома, заворвав недовольно, вернулись на свои места.

В лифт он вошёл с гламурной девушкой, с той самой, с которой уже ехал утром. В руке у неё была банка «Отвёртки». Надменность с её лица исчезла, глаза поблёскивали.

«Расхумарилась», – подумал Фёдор и развязно ухмыльнувшись, подмигнул девушке.

– Ты к инкубам, как относишься, сос...соседка?

– Я ко всем людям хорошо отношусь. Все люди достойны уважения, – она не сдержала икоты.

– То-то и оно, что к инкубам у нас толерантность, – согласно кивнул головой Фёдор. – Мой этаж. Прощай, красавица.

Девица глянула на него с явным разочарованием.

Дверь ему открыла жена, она говорила по телефону. Сказав в трубку: «Натуля, секунду подожди», она, закрыв телефон рукой, пылливо взглянула на мужа. Федор, скидывая туфли, сказал:

– Меня уволили, деньги отняли грабители.

Жена поджала губы, бросив: «Котлеты в сковороде, хлеба нет», ушла на кухню.

Федор переоделся домашнюю одежду, прошёл в гостиную, щёлкнув пультом, лёг на диван. На экране шла дискуссия о правах геев. «Боролись» двое, оба немолодые, ухоженные. Один говорил о немыслимых страданиях сексуальных меньшинств, живущих под игом злобных гомофобов, другой слабо отбрыкивался. Ведущий, нервно потирая руки, радовался, как дитя. «Оба голубые, – пробормотал Фёдор, – да и ведущий нежненький». Глаза его стали смыкаться и он под бормотание телевизора задремал.

Дёрнувшись, как от удара тока, он через некоторое время открыл глаза, проговорив ошалело:

– На работу? Встаю, встаю.

Часы показывали четверть двенадцатого. Через минуту он понял, почему проснулся: над его головой натужно ворчал перфоратор. Фёдор лежал, глядя в потолок долгие десять минут – перфоратор работал. После, резво вскочив с дивана, он сходил на балкон, взял стремянку, и вернулся с ней в прихожую. Взобравшись на стремянку, пошарив рукой в глубине антресоли, он нащупал полотняный мешочек, взял его и прошёл с ним в туалет. Сев на унитаз, он развязал мешок и достал из него пистолет. Это был «Вальтер», трофейный, не сданный его дедом властям. Его хранил отец Фёдора, хотел сточить боёк, тянул с этим, умер, оставив оружие сыну. Пистолет был смазан, полная обойма была при нём.

– Ты куда? – спросила жена, когда Фёдор набрасывал на себя куртку.

– Душно мне, подышать схожу, – ответил он и вышел из квартиры. Он поднялся на следующую этаж и позвонил в дверь. Перфоратор умолк, тихие шаги прошлёпали к двери, глазок затемнился. Фёдор приложил ствол к глазку и выстрелил. Выстрел эхом метнулся по этажам, открылась соседняя дверь, пожилая женщина испуганно спросила у него:

– Что за грохот?

Он, улыбаясь, навёл на неё пистолет, сказав: «Пуф-ф». Женщина испуганно захлопнула дверь.

Жена стояла в прихожей, она плакала.

– Зачем, Федя? – прошептала она.

– Стечение обстоятельств, — пробормотал он, прошёл в гостиную, свалился на диван и в один миг заснул. Во сне он улыбался. Снилось ему старая дача, покойная бабушка Варя в цве-

тастом фартуке и сползших на нос очках. Она в медном тазике варила малиновое варенье, а он, пятилетний, сидел за столом и с аппетитом поглощал пенку от варенья с горячей ватрушкой.

Третье счастье Ширали

Ширали закончил работу только в начале двенадцатого часа ночи. Ступени подъездов и пандусы были им очищены от наледи и посыпаны песком, переполненные контейнеры в боксах под мусоропроводами он поменял на порожние, очистил урны у подъездов. «Вымыв» руки чистым снегом с капота чьей-то машины, он подошёл к подъезду и, наконец, с наслаждением закурил.

Морозило. Сыпал редкий снежок. Ширали курил и задумчиво смотрел на окна одинаковых высоток, в которых кое-где мерцали, меняя цвета, новогодние электрические гирлянды. Ему ужасно не хотелось сейчас идти в городок строителей, где он проживал в бытовке с четырьмя земляками узбеками. С тоской представлял он себе тесный прямоугольник бытовки, со стойким запахом пропотевших мужских тел, сырой обуви, спецовок, вечно пригоравшего плова на самодельной плите, двухъярусные полаты с отсыревающими за день матрасами и унылые лица земляков с всегдашними разговорами о родине и новостях оттуда.

Он стал думать о том, что через день наступит последний день уходящего года и у строителей будет короткий рабочий день. А это означало, что отдохнуть не удастся, потому что его молодые непутёвые соседи по бытовке, холостяки Зейнатулла и Ислам приготовят плов и затеют проводы старого года с водкой и пивом. Лишь к полуночи они поедут встречать Новый год на Невский проспект, где можно будет встретиться с земляками и многочисленными родственниками.

Вернутся они под утро, и, наверное, культурную программу закончат вызовом проститутки. Вызовут, как обычно одну на двоих – так выходило дешевле. За занавешенным равной простынёй углом, мужчины будут вскрикивать, постанывать и ругаться по-русски, всё произойдёт быстро и скоротечно. Приходящие женщины не скажут ни слова, придут и уйдут молча. После них в бытовке на некоторое время оставались чужие запахи, но они быстро сменялись запахами сырой одежды и сушащихся носков. Когда женщина уходила, весельчак Ислам снимал простыню, и друзья укладывались спать, но ещё долго беседовали и даже иногда пели.

Летом Ширали с соседом по полатам, пятидесятилетним сварщиком Наримон, когда к землякам приходили проститутки, выходили переждать на улицу, но зимой, наработавшись на морозе и, пригревшись под тряпьем и одеялом, сил встать и выйти на холод не было.

Наримон на правах старшего совестил Зейнатуллу и Ислама за недостойное поведение, но друзья с неудовольствием отмахивались от него. Однажды после очередного прихода распутной женщины, терпение у Наримона кончилось. Он грубо накричал на Ислама, стал попрекать его, но тот только скалил зубы, цедя нагло: «У меня помидоры опухают, понимаешь, дядя? Я молодой, терпеть долго не могу. Хочешь, чтобы помидоры дынями стали и лопнули?»

Рассвирепев от такой наглости, Наримон кричал: «Позоришь своё имя! Ты не лучше этих грязных распутных женщин. Ты не мусульманин, потому что забыл об уважении к старшим, делаешь непотребное там, где ешь хлеб, уподобляешься псам, которые сношаются на улицах». Ширали поддержал Наримона, и стычка чуть не закончилась дракой. После этой стычки разговаривали они с земляками только в силу необходимости.

Индустрия грязных утех в районе была хорошо отлажена и доступна. Огромная масса мужчин строителей из Средней Азии стала лакомым и доходным куском для ловких и инициативных дельцов-сутенёров. Начальство жилищных контор поначалу пыталось бороться, заставляя дворников сдирать с фонарных столбов многочисленные объявления: «К вам – к нам. 24 часа» с женскими именами и телефонами. Но борьба была неравной, и почин начальства тихо заглох. С некоторых пор появились объявления краской прямо на асфальте, со словами «Хорошие девушки» на узбекском языке.

Ширали всегда были отвратительны продажные женщины, не нравились ему пьющие и курящие женщины, но в этом огромном городе это не считалось постыдным: по улицам ходили совсем молодые курящие девушки с бутылками пива. Сам он изредка позволял себе выпить банку холодного пива летом, но от сигарет отказаться не мог, стараясь курить мало: скромный бюджет не позволял ему исполнять даже эти скромные желания.

Четверть своего заработка он отсылал на родину брату инвалиду, у которого было трое детей. Жены и детей у него Ширали не было, мать с отцом умерли. К сорока годам он познал двух женщин. С первой женой, погибшей в автокатастрофе, он прожил год, детей с ней не нажил, со второй прожил чуть больше трёх лет. Из этих трёх лет, год они прожили в любви и радости, но следующие два года на нервах из-за возникших неприятных обстоятельств.

Они с Юлдуз любили друг друга, и постель их была горяча, но жена не беременела. Когда несколько экспертиз окончательно подтвердили его бесплодие, родственники жены стали сначала слёзно просить, а после и требовать развода. Он уступил, понимая горе родителей жены, лишённых радости нянчить внуков, и муку жены, страстно мечтавшую о детях, выплакавшую свои прекрасные чёрные глаза. Уступил, с сердцем, обливающимся кровью.

Юлдуз нашли немолодого мужа, оставаться дома Ширали не мог и уехал в Питер. Две боли долго не оставляли его сердце: боль потери любимой, и боль за её судьбу. Он хорошо знал, что местечковые обычаи и условности в Узбекистане даже в 21-ом веке никто не отменит, а жизнь женщины вышедшей замуж не девственницей, частенько из-за этих древних понятий могла стать для неё адом. Он об этом не переставал с трепетом думать. Эта мука длилось года два, пока его Юлдуз тайком не прислала ему с посыльным письмо, в котором писала, что она родила двойню, и муж к ней хорошо относится. И слёзы брызнули из глаз Ширали, когда он прочёл в конце письма: «Дорогой мой, я тебя по-прежнему люблю. Свет мой и счастье моё, ты в моём сердце жив и согреваешь мою душу». Две женщины любили Ширали, двух женщин он любил, двух любимых женщин не дала ему долюбить судьба, не познавшему не до них, ни после них других женщин.

Ширали работал здесь уже больше трёх лет и знал в лицо почти всех жителей высоток, к которым он был прикреплён. Основная масса жителей состояла из молодёжи, среди новых спальных районов города этот считался спокойным и престижным, было метро, множество магазинов, школа и детские сады. После семи вечера район представлял собой огромную автостоянку, плотно заставленную иномарками. Но Ширали смог разобраться, что живут здесь совсем не богачи, и почти все эти машины, как и квартиры в этих домах куплены в кредит, что сюда сдвинулись люди из всей России в надежде найти в Северной столице работу, устроить благополучную жизнь.

Он закурил ещё одну сигарету. Вышедший из подъезда пожилой мужчина с пакетом мусора, улыбаясь, протянул ему руку:

- Здорово, Ширали, с наступающим тебя, друг.
- Спасибо, уважаемый. Вас тоже поздравляю, – крепко пожал его руку Ширали.
- Слушай, друг, поменяешь мне унитаз после праздника?
- Не вопрос. Телефон мой знаете.
- Молодца. Договорились, – мужчина хлопнул Ширали по плечу.

В доме многие знали, что через Ширали можно подешевле найти работников из числа его земляков по части ремонтных работ, да и сам он не отказывался от приработка. Дружил с электричеством и сантехработами, мог настелить ламинат, установить плинтусы карнизы, шкафы. Денег не драл, не хапужничал и не халтурил.

Он бросил сигарету в урну, потянулся до хруста и, усмехнувшись, проговорил негромко: – Эфенди, в твоём дворце заждались тебя, пора спать. Завтра в семь утра на работу.

К подъезду медленно, слегка пошатываясь, подходила женщина в шубе и меховой шапке.

– Ещё одна. Сегодня много пьяных женщин, – пробормотал Ширали с досадой, понаблюдав за женщиной. Подняв воротник куртки, он пошёл быстрым шагом к городку строителей.

Он не ушёл далеко. Остановился, услышав женский вскрик за спиной повернулся: женщина в шубе лежала на боку, нелепо подогнув ногу, шапка валялась в стороне. Она пыталась встать, но у неё не получалось. Ширали бросился к ней.

– Помогите встать, ради Бога. Я поскользнулась. Встать не могу, что-то с ногой, – произнесла она с вымученной улыбкой на лице. Она была миловидной и не старой, как ему показалось издали. Он ступешался, не зная, как ей помочь. Она застонала, сама протянула ему руку, и он помог её подняться.

– Спасибо, спасибо. Дальше я сама. Спасибо вам за помощь, – пробормотала женщина, хотела пойти, но ойкнув, присела, схватившись за оградку.

Ширали растерянно топтался рядом.

– Пожалуй, я не смогу подняться по ступеням. Поможете мне, добрый человек? – попросила она.

– Может «скорую» вызвать? – спросил Ширали.

– Нет, нет, встретить Новый год в больнице мне бы совсем не хотелось. И это не перелом – растяжение. Мне бы до квартиры дойти. Я возьму вас под руку, не возражаете?

Ширали кивнул головой. Они медленно поднялись по ступеням, женщина прихрамывала и морщилась, наступая на левую ногу. Ширали своим брелоком открыл входную дверь, довёл женщину до лифта и тут узнал её: около года назад он устанавливал ей карнизы на окна, вспомнил и имя женщины – Надежда, номер её квартиры, этаж, и то, что на её кухне был портрет улыбающегося мужчины, иконы, и удивившая его горящая днём лампадка. Ему тогда понравилась женщина, чистота и порядок в её квартире. Она накормила его вкуснейшими котлетами, и он не отказался.

Он нажал кнопку двадцать четвёртого этажа, а женщина, вглядываясь в его лицо, с тревогой спросила:

– Откуда вы знаете мой этаж?

Но лицо её тут же прояснилось.

– Ах, да. Карнизы. Какой вы внимательный, однако, Ширали, – это так давно было. Когда вы ушли, я прочитала в интернете, что ваше имя означает великий лев. Уж, будьте добры, великий лев, не бросайте меня, доведите до спасительной двери.

Женщина не была пьяна, как показалось Ширали вначале, спиртным от неё веяло слегка, сильнее был запах ванили, который он жадно и с удовольствием вдыхал. Он довёл её до двери, и она сказала:

– Спасибо, великий лев. С наступающим вас Новым годом. У меня есть ваш телефон, я собиралась вам звонить. Вы можете присверлить кронштейн для чашек на кафеле?

Ширали кивнул головой.

– Тогда я вам позвоню после праздников, – улыбнулась женщина.

Когда за ней закрылась дверь, он не ушёл сразу, постоял у двери. Запах женщины ещё витал рядом с ним, и он с жадностью его вдыхал. Сердце его колотилось, странная тихая улыбка проступила на лице, ему стало жарко, он расстегнул куртку.

В эту ночь он был со своей Юлдуз, молодой и горячей, пахнувшей горячим хлебом из тандыра и спелой разрезанной дыней. Сон был так упоителен и реален, что он не проснулся, когда запищал будильник, но матрица раннего пробуждения, нарабатанная годами нелёгкой работы, включилась сама собой и он, дёрнувшись, открыл глаза.

Ислам с Зейнатуллой завтракали вчерашним пловом, угрюмо переругиваясь, Наримон уже ушёл. Ширали быстро оделся, выскочил из бытовки и с удовольствием вдохнул свежий морозный воздух. Нетронутый снег скрипел под ногами, он шёл быстро, в голове проносились обрывки сна, и улыбка оживляла его лицо.

Он любил такие снежные дни и свою работу. Мог, как большинство его земляков пойти работать строителем, эта работа ему была хорошо знакома, и платили бы там больше, но он держался за своё место, потому что оно позволяло выкраивать редкие часы уединения, когда он мог спокойно, один на один с подругой лопатой, в одиночестве убирать снег, предаваясь своим мыслям и воспоминаниям, перекуривать, когда захочется, наблюдать за людьми, а не мёрзнуть в продуваемых холодным северным ветром бетонных «этажерках», под окрики начальства.

Он вдруг вспомнил вчерашнюю встречу с Надеждой, запах ванили и улыбнулся – ванилью, мёдом и кардамоном пахла его первая жена Солмаз, великая искусница, баловавшая его и соседей неисчислимыми видами восточных сладостей. Уже работая, он ещё несколько раз вспомнил Надежду.

До обеда он чистил снег, с ним здоровались жильцы, и ему это было приятно. В обед он пришёл в комнату отдыха для персонала, где заварил чай и отобедал «Дошираком», залив в него лечо из банки. За чаем он опять вспомнил Надежду и подумал о том, что возможно она не может выйти из дома, а ей что-то нужно. Он набрал номер её квартиры на домофонном щитке. На её быстрое: «Слушаю», он ответил не сразу, запершило в горле, она переспросила и он, прокашлявшись, торопливо проговорил:

– Это Ширали, помните... вчера?

Надежда рассмеялась.

– А, великий лев. Ещё раз благодарю вас за помощь...

– Я не за это звоню, хотел спросить, как нога... я могу в магазин сходить, если надо... что-нибудь помочь, – не дал её договорить Ширали.

– Спасибо. Это явное растяжение. Перетянула голень эластичным бинтом, пью обезболивающие. Уже ходила в магазин, благо он рядом с подъездом. С утра затеяла варить холодец. Спасибо вам ещё раз.

– Тогда нормально, – сказал Ширали, и, не зная, что сказать ещё, повторил, – тогда нормально.

Надежда рассмеялась:

– Вообще-то не совсем нормально, но, слава Богу, не смертельно. Счастливого Нового года, Ширали. Извините, у меня кастрюля на плите.

Она повесила трубку, а Ширали ещё несколько секунд стоял у двери. Он вспомнил сейчас, что у Надежды глаза такие же, как у его Солмаз – зелёные.

* * *

Тридцать первого декабря у рабочих жилконторы был короткий рабочий день и небольшой скромный сабантуй с выпивкой в комнате дежурного администратора. После, не зная, чем себя занять, Ширали постригся и побрился у земляка умельца, принял душ, переоделся в чистое бельё, походил по магазинам, побаловал себя банкой пива и сухариками, купил освежитель воздуха, собираясь распылить его в бытовке.

Он умышленно тянул время, ожидая ухода Зейнатуллы и Ислама, которые должны были уйти праздновать к своим наманганским землякам, утром они хвалились, что будет шашлык из баранины. Стемнело и похолодало, он продрог и вернулся в бытовку. Наримон был в костюме, он собирался праздновать Новый год у своих дальних родственников, живших в Питере, Зейнатулла с Исламом, к его удовольствию, уже ушли.

Он остался один, включил телевизор и лёг на лежак, но недолго его смотрел: холодной змеей вползла в него тоска и сдавила сердце. Слепыми глазами он смотрел в одну точку, с пронзительной остротой ощущая в сердце холодную сталь одиночества, гнетущую беспросветность, бесцельность своего жалкого существования, крах надежд и желаний, неизбежность

боли потери любимых. Он упал лицом в подушку и, не сдерживаясь, зарыдал, после впал в дрему и заснул.

Проснулся он под грохот фейерверков в двенадцатом часу. Чувствуя себя разбитым и опустошённым, он бесцельно посидел, опустив голову на грудь, думая о долгой бессонной ночи, о встрече с гогочущими пьяными Зейнатуллой и Исламом. Пробормотав по-русски: «Напьюсь», он оделся и вышел на улицу.

Купить водку после одиннадцати не было проблемой: в ночных магазинах работали его земляки. Он спрятался от ветра в какой-то нише, собираясь отвинтить крышку бутылки.

Его остановил телефонный звонок. Номер был не знакомый.

– Доброй ночи, великий лев, – Ширали от неожиданности выронил бутылку и она разбилась. Непроизвольно в голове мелькнуло: «Аллах остановил». Спазм перехватил горло, он что-то промычал в ответ нечленораздельное.

– Хотела ещё раз поздравить участливого человека с Новым Годом и пожелать ему здоровья. А как вы справляете праздник?

Ширали помялся.

– Нормально. Спасибо. Все ушли. Я один.

– Вы один празднуете Новый?

– Нормально, – запнулся Ширали, не зная, что ещё сказать, но говорить ему ужасно хотелось, и он повторил, – нормально.

Надежда рассмеялась.

– У вас это присказка такая – нормально? Что-то мне подсказывает, что не всё у вас нормально. Голос грустный, почему вы один? Не с кем праздновать?

Ширали неожиданно для самого себя сказал:

– Я уже привык так. Третий год уже так.

Он осёкся, сообразив, что вышло, будто он жалится женщине. Это он всегда считал неправильным для мужчин, и добавил, бодрясь:

– Нормально. Всё нормально.

Но вышло у него это безрадостно.

В повисшей долгой паузе, он слышал в телефоне музыку.

– А знаете, что, великий лев. Давайте нарушим эту нехорошую традицию и привычку. Приходите ко мне. У меня, как и у вас, по странному совпадению, уже третий год всё, м-мм, нормально. До чего же близко это слово! Оно совсем не равно слову хорошо. На часах половина двенадцатого. Президент вот-вот станет поздравлять страну с праздником. Приходите, Ширали.

У Ширали перехватило дыхание, он выдохнул:

– Неудобно это, да...

– Что же здесь неудобного? Составьте мне кампанию. Адрес вы знаете.

В магазин Ширали влетел птицей. Схватил с витрины коробку «Рафаэлло», бросив юному продавцу узбеку:

– Эй, болам, шампанское нормальное давай. В пакет всё положи нормально.

Парнишка ухмыльнулся.

– Сладкий или сухой давать, ота?

– Мокрое, – рассмеялся Ширали. – Ты, что меня подкальываешь, пацан? Нормальное шампанское давай.

К дому он бежал, в лифт влетел, но у двери Надежды остановился. Попытался перевести дух, успокоится, сердце колотилось, но не от бега, а от каких-то неизъяснимых сладостных предчувствий и радости. Но это были не плотские предчувствия: он радовался, что сбежит хоть на какое-то время от одиночества, будет говорить с живым человеком, женщиной. Рука дрожала, когда он нажал на кнопку звонка.

Надежда была в длинном тёмно-синем платье, рядом с ней витал запах ванили. Ширали заметил бинт на голени, из кухни был слышен голос Президента поздравляющего страну с праздником. Он суетливо достал из пакета конфеты и шампанское, замялся.

– Вам.

– Не нужно было, Ширали. Зачем вы тратились? – укоризненно покачала головой Надежда.

– Нормально, – улыбнулся Ширали.

Надежда рассмеялась:

– Раздевайтесь. Мойте руки, мы можем проворонить приход Нового года.

Из комнаты вышла сиамская кошка, подошла к Ширали, потёрлась о его ногу, он присел и, улыбаясь, погладил её.

– Надо же! – удивлённо произнесла Надежда. – Она вас признаёт. Это совсем не её стиль. Она и меня иногда игнорирует.

В ванной его ноздри затрепетали от удовольствия: пахло свежестью, он жадно уткнулся лицом в полотенце и долго вдыхал этот запах чистоты.

Шампанское он открывал под бой курантов и, полыхавшие за окном фейерверки. Надежда подняла свой фужер, лицо её было серьёзно:

– Давайте, Ширали, выпьем за то, чтобы этот год стал для всех людей счастливым. В самом деле, человек должен быть счастлив, без этого его жизнь теряет яркость. Попросите любого взрослого человека вспомнить счастливые мгновенья жизни, что он первым делом вспомнит? Самую счастливую пору — детство! За ним первую любовь, рождение ребёнка, а после у большинства произойдёт запинка и рытьё в памяти. Он их найдёт, эти мимолётные радости, но они будут иметь совсем другой вес, на весах жизни. Человек, как дерево: с годами обрастает корой невзгод, забот, обид, разочарований, потерь, болезней, грехов, через которую уже с трудом проникают лучи счастливых озарений. Но он хочет счастья, он всегда помнит свои счастливые дни, часы... или миги. Что обычно говорят на Новый год? С Новым годом и с новым счастьем. Счастья вам в новом году, Ширали.

Ширали, жадно глядя в зелёные глаза Надежды, заметил в уголках этих прекрасных глаз неумолимую и грустную примету старения – «гусиные лапки». На тост Надежды, в котором он не всё понял, потому что, больше любовался ею, чем вникал в слова, он ответил, зардевшись:

– И вам тоже.

Пригубив шампанского, он спрятал руки под стол, стеснительно оглядывая кухню.

Надежда засуетилась. Кладя ему на тарелку салат, она быстро говорила:

– Я пожарила отбивные, но они, извините, из свинины. А вам, знаю, это мясо запрещено религией. Возьмите нейтральную ко всем верованиям курицу. К ней соус берите, пробуйте грибы, рыбу.

Ширали неожиданно рассмеялся.

– Я анекдот расскажу, да?

– Нормальный? – рассмеялась и Надежда.

– Нормальный очень. Один раз Ходжа Насреддин долго, долго шел, он был сильно голодный, а хурджин уже пустой был. У речки русский поп сидел. Он сидел и кушал. У него на полотенце сыр был, хлеб и сало. Ходжа сказал: «Привет, поп», сел рядом, помолился: «Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим», это знаете, как у вас – слава Богу, и стал кушать. Поп молчал. Они оба голодные были. А когда они всё кушали, поп сказал: «Ты же мусульманин, вам нельзя с неверными кушать, а ты ещё сало кушал». Ходжа тогда сказал ему: «Э-э-э, дорогой, когда человек голодный, не имеет значения верный-неверный»

При последних словах Ширали расхрабрился, вошёл в роль, скопировал азиатский говор и даже взмахнул руками, тут же покраснев.

Надежда от души расхохоталась.

– Да вы прекрасный рассказчик, однако. И неплохо говорите по русски. К вашему анекдоту вполне можно прилепить нашу русскую поговорку: голод не тётка.

– У нас соседи русские были, мы нормально дружили. Я в армии в Вологде служил, – сказал Ширали.

Он иногда поглядывал на портрет улыбающегося мужчины на стене за спиной Надежды, ему очень хотелось узнать, кто это, к чему горящая лампадка, но он понимал, что это может быть неприятно Надежде, понимал, что они мало знакомы, чтобы он мог задавать такие вопросы. Он долил шампанское в фужеры и поднялся.

– Я скажу, да? – сказал он и сразу продолжил, – знаете, все люди, говорят, что у них всё нормально. Они, когда у них тут болит (Ширали постучал себя по сердцу), никому не говорят. Зачем другим настроение портить, да? Себе тоже. Если будет рассказывать, где болит, почему болит, люди не будут с такими общаться. Так все живут. Хорошо, когда друг есть. Когда нет, кому расскажешь своё горе или радость? В аптеке счастье не продают, в магазине тоже, да? Человек сам себе лекарство придумал, говорит: нормально, нормально, нормально. Вы тоже, наверное, всем говорите: нормально. А я вижу, у вас здесь болит! (Он опять показал на сердце) А вы хорошая, добрая и... красивая. У вас горе есть. Я вижу. Я очень вижу. Знаете, я хочу, чтобы у вас в жизни было не нормально, а очень нормально, очень нормально, хорошо, чтобы было. Вы хорошая, Аллах и ваш бог помогут вам.

Он, выпил стоя до дна и сел за стол, спрятав руки на коленях.

Надежда смотрела на него пристально, расширившимися глазами, она пригубила шампанское и повернулась к портрету. Долго смотрела на него, а когда повернулась к Ширали с повлажневшими глазами, улыбнулась печально. Положив в его тарелку кусок куриной грудки, вздохнув, она проговорила:

– Спасибо, добрый человек и ясновидец. И ешьте, ради Бога, не стесняйтесь, я же вижу, что вы голодны. Вы часто посматриваете на портрет за моей спиной. Это мой муж Андрей. Он умер. Умер на моих руках. Страшно умирал, долго... рак.

Быстрым движением ладони она провела по побледневшему лицу, будто смахивала с него паутину воспоминаний и продолжила, бесцельно теребя салфетку:

– После одной моей операции, мы перестали ждать ребёнка. Собирались усыновить мальчика, но на нас обрушилось болезнь моего Андрюши, долгое время лечения, а после короткого времени надежд, время горькой реальности. А я осталась жить. Как я жила? Жила в ночи без рассвета. Из родственников у меня осталась в живых только тётя, сестра матери. Она меня поддерживала. Я приходила домой и разговаривала с портретом мужа, ходила на кладбище и... плакала, плакала, плакала, а слёзы не приносили мне облегчения. Люди говорили, что обычно боль утраты дорогого человека на втором году притупляется, но ничего этого у меня не произошло. Я возвращалась в квартиру, а там всё, всё, всё, говорило об Андрее, и я плакала...

Ширали, не отрываясь, смотрел на Надежду, а она остановилась, устало проговорив:

– Я своим рассказом порчу вам аппетит.

– Я всегда мало ем, – сказал Ширали, не сводя глаз с побледневшего лица Надежды.

– При вашей-то адски тяжёлой работе? – покачала укоризненно головой она. – Ешьте, ради Бога. Не стесняйтесь. Я не буду больше о печальном.

Ширали стал есть. Не поднимая глаз от тарелки, он тихо спросил:

– Муж здесь умер, да?

– О, нет. Мы в Челябинске жили, это далеко от Питера, до Ташкента ближе.

Надежда смотрела в окно, за которым ярко вспыхивали и быстро гасли разноцветные звёзды фейерверков.

– Я продала дом и улетела сюда со своим строптивым котом, меня позвала одноклассница, вышедшая здесь замуж. Думалось, сменю пейзаж, стану по музеям, набережным ходить, встречу новых людей, но вместо этого ещё целый год проплакала, тоскуя по улочкам родного

города, оставленном без обихода последним приюте моего Андрюши. Стала думать, что бросила его, стало стыдно, запаниковала и решила вернуться домой. Я экономист, работу здесь нашла быстро и с хорошим заработком, но ни с кем на работе не сошлась и не подружилась. Летала в отпуск домой, поплакала у Андрея на могилке, знакомые говорили со мной с какой-то обидой и завистью, мол, живёшь в раю, в северной столице. А тётя посоветовала мне возвращаться в Питер, мол, проведёшь свою жизнь на кладбище. Я вернулась. Нет, лучше на сердце у меня не стало, но как-то устаканилось, стерпелось, сжилось, живу тихо, хожу теперь по музеям, работаю, обживаюсь, плакать стала меньше. А как вам Петербург, вам зимой, наверное, плохо. Посещали музеи?

Ширали опять глянул поверх головы Надежды на портрет её мужа, думая: «Он красивый был. У неё жизнь как у меня почти. Наверное, во сне с мужем встречается, говорит с ним. Плохо одному быть», и сказал:

– Мои земляки шутят. Говорят: хороший город Питер, воды много.

– Понимаю, понимаю, ваш сарказм. На чужой стороне и сокола зовут вороною, говорят русские люди.

– А у нас говорят, лучше на родине быть чабаном, чем на чужбине султаном. Но мир сейчас перевернулся, все бегут туда-сюда. Все торопятся. Где был? В мечети был, в вашей церкви самой большой был, на лодке катался. Времени нет. Знаете, кто уедет из родного дома, если всё хорошо? Жить все хотят...

– Да, да понимаю. На востоке у людей всегда уйма родственников. Родственники там святое. Скучаете, наверное.

Ширали было очень хорошо и уютно, он будто попал в волшебное царство, где прекрасная хозяйка потчует желанного и долгожданного гостя, ухаживает за ним. Ему вспомнилась ещё одна узбекская пословица, которую любил повторять его покойный отец. Хитро поглядывая на жену, он ей иногда говорил: «Мужчину прославляет или конь, или (здесь отец всегда делал многозначительную паузу), или жена!» Говорил он это обычно после сытного обеда. «Не то ты бы мне говорил, если б плов пригорел», – ворчливо отвечала ему всегда мать. Воспоминание высветило на лице Ширали тихую улыбку. Единственное, что сейчас действительно мучило его, так это то, что невыносимо хотелось курить, но он не мог этого сказать Надежде. А она вдруг, будто угадав, сказала:

– Если вы курите, можете выйти на балкон, там есть пепельница. Сама не курю, но к курящим терпимо отношусь. Только приоткройте окно, а я пока приберусь здесь, мы будем пить чай.

Ширали курил на балконе, смотрел на святящиеся окна домов, представляя себе радостно встречающих Новый год людей, весёлый смех детей у новогодней ёлки. Когда он вернулся в кухню на столе стоял фарфоровый чайник, на блюде торт, в хрустальную вазочку Надежда высыпала конфеты, она оставила на столе холодные закуски.

С удовольствием оглядывая стол, Ширали сказал:

– У нас ещё говорят: тому, кто тебя накормит один раз, кланяйся сорок раз...

Надежда всплеснула руками.

– Боже мой, как же близки чаяния и мораль совершенно разных этносов и религий! А у нас говорят: спаси бог того, кто поит да кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит. Только злые люди всё время пытаются поссорить людей, вбить клин между простыми людьми. Ширали, я выключу телевизор? Этот новогодний шабаш может свести с ума.

– Я телевизор не люблю. Они обманывают. Сейчас все обманывают, – сказал Ширали. – Вам чая покрепче? – спросила Надежда, он кивнул головой и пододвинул свою чашку.

Разросшийся внутри него нарыв непроговорённой боли сердца, измученного молчанием, тоски, требовал выхода. Он жаждал жалости, понимания, отзыва, ему думалось, что эта женщина, хлебнувшая горя, должна понять его. Это был чистый и зудящий позыв. Надежда ему

нравилась, нравилось её жилище, порядок и запахи, но он сейчас не думал о каком-то продолжении этой неожиданной встречи, он понимал, что Надежда не имеет ничего общего с теми весёлыми женщинами, которых он видит часто на улице, многие из которых смело отвечают многозначительными улыбками на липкие взгляды мужчин и он заговорил быстро и горячо. Надежда вскинулась, жадно вглядываясь в его большие чёрные глаза.

– У меня было две женщины, – начал он, – моя Солмаз и моя Юлдуз. Они меня любили. Их я любил...

Он сбился, покраснел и не в силах остановиться, будто боясь, что ему не дадут этого сделать, на одном дыхании поведал Надежде историю своей жизни. Когда рассказ был окончен, на лбу у него выступили бисеринки пота. Подрагивающей рукой он поднял чашку, выпил остывший чай до дна, и заключил: то ли вопросительно, то ли саркастически:

– Нормально, да...

Надежда смотрела на него застывшим пристальным взглядом, на её щеках вспыхнул румянец, она тряхнула головой, будто стряхивала наваждение и тихо произнесла:

– Ширали, Ширали, Ширали, сколько ж в этом мире сейчас измученных и изломанных жизнью мужчин и женщин! Сколько их одиноких и бесприютных! Но вы не несчастны! У вас было то, чего не было у миллионов людей: радость и счастье, что вы любили, и были любимы. Как же мало людей, которые познали это блаженство! Знаете, к какой формуле пришла я совсем недавно, думая о потере любимого мужчины? Я сказала, глядя на портрет мужа: «Слава Богу, что ты у меня был!» Вы хороший, честный человек, благородный, жалостливый, любящий, не сделавший никому зла. Я рада, что познакомилась с вами. Хорошо иметь друга говорили вы. Правда, без друга худо жить.

Ширали сидел, опустив голову, когда он поднял её, в глазах стояли слёзы.

– Ну, ну. Нормально, нормально, – улыбнулась ему Надежда. – Давайте я вам горячего чаю подналью. И торт, пожалуйста, попробуйте.

Они пили чай молча. Допив чай, Ширали глянул на настенные часы, шёл четвёртый час. Он встал, отводя глаза в сторону, сказал:

– Спасибо сорок раз. Вам отдыхать нужно.

Надежда промолчала. Тушуясь, он вышел в прихожую и стал одеваться. Надежда вышла его провожать. Они стояли друг против друга.

– Звоните мне, великий лев... и друг, – она протянула Ширали руку, и он нежно взял её руку в свою, будто боялся повредить и неожиданно, упав на колени, не отпуская её руки, осыпал эту руку поцелуями. Ошеломлённая Надежда, не отдернула руку, она молчала, глядя на него повлажневшими, расширившимися глазами, а он порывисто проговорил:

– У меня два счастья было в жизни. У вас говорят: Бог три любит. Надья, Надья, Надья, азизим Надья, сердце у меня говорит: ты – моё третье счастье. Не одна пыль на тебя не упадёт со мной, знаешь? Я буду, как великий лев! Я знаю, Аллах меня к тебе привёл, а ваш бог не спорил с ним. Они нормально поняли друг-друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.